Пролог: Спуск с горы

Мир относителен.

Центральный Континент и Великий Западный Континент расположены друг напротив друга через необъятный океан. Земли к востоку расположены относительно выше, и небо там тоже кажется более высоким. Поднимаясь с земли и морей, облака и туман непрестанно устремляются в то место. В результате они собираются и не рассеиваются в течение всего года.

Это место - Могила Облаков, могила всех облаков в мире.

В самой глубокой части Могилы Облаков есть уединенная гора, вершина которой простирается в пустоту. Всегда было загадкой, куда она ведет.

Легенды гласят, что мир когда-то состоял из пяти континентов. Каждый континент обладает различными зрелищами и пейзажами, но только самые могущественные создания, достигшие Божественного Домена, смогут увидеть их все. Для обычных людей легенды - это просто легенды. Они не знали, где были другие континенты, не знали, как туда попасть, не знали, что уединенная гора в Могиле Облаков была путем к другим континентам.

Естественно, не было никого, кто видел пейзажи высоко над облаками. Слой облаков здесь был подобен белизне, простирающейся во все стороны, как будто без конца. Над ним, за тем зеркалом пустоты, была бесконечная черная бездна. Внутри этой бездны были бесчисленные звезды.

Вдруг две звезды начали сиять, становясь ярче и ярче. Как оказалось, они с высокой скоростью приближались к зеркалу. Только когда эти две звезды оказались перед зеркалом, стало очевидно, что это были два шара священного и чистого пламени.

На этом зеркале появилась паутина трещин, разделявшая реальный мир от ночи, а затем она вмиг была восстановлена.

Эти два шара чистого и священного огня при помощи какого-то таинственного метода появились на этой стороне зеркала, представ перед реальным миром. Разреженный воздух зажегся, начиная бесконечно рябиться и изгибаться. Это были не священные огни, а чьи-то глаза.

Весь мир был встревожен их колоссальным спуском. Лучи света выстреливали без конца, и на поверхность облаков была брошена огромная тень. Пространство начало искажаться, как будто на нем вот-вот возникнет трещина.

Между пустотой и облаками появился большой Золотой Дракон.

Красное солнце вдали было полностью скрыто его огромным телом. Бесчисленные ли мира над облаками потускнели, и температура стремительно снизилась. В облаках начали формироваться кристаллы льда, отражавшие бесконечные лучи света, преображаясь в причудливые мерцающие зеркала хрусталя. Небеса и земля сменили цвета. Это было величие истинного создания.

Величественный Золотой Дракон смотрел на мир безразличными глазами.

Он много раз видел пейзажи высоко над облаками.

Величественный Золотой Дракон полетел к той уединенной горе на горизонте. Приближаясь, его громадное и ужасающее тело погрузилось в облака, исчезая из вида. Безграничный туман был разорван его большим и ужасающим телом. Утесы уединенной горы были скалистыми и неровными, на них не было растений или даже мха. Над горой нависала гробовая тишина, как в могиле.

Дракон продолжал лететь вниз в глубины тумана, как будто проводя там бесконечные дни и ночи. Было загадкой, как далеко он летел, но он от начала до конца он всегда был в тумане, не встречая ничего более. Влетая глубже, он мог смутно разобрать мох, растущий на скалах, а облака и туман здесь были намного плотнее, чем облака вверху. Возможно, из-за излучаемого им давления, в облаках начало формироваться множество кристаллов. Они были каплями воды, увлажняющими воздух.

Золотой Дракон не демонстрировал интереса к этим изменениям и продолжал полет вниз.

Растения на уединенной горе постепенно начинали встречаться все чаще, облака становились все влажнее. Капли воды падали на утесы, постепенно собираясь в маленькие крошечные струйки шириной с лист дерева. Бесчисленные стройные струйки воды журчали вниз по утесам, опускаясь в облака.

Золотой Дракон смотрел на то, как бесчисленные стройные ручейки лились вниз по одинокой горе, и выражение в его глазах становилось все более и более серьезным, а два шара божественного огня - все более умиротворенными. Это место было могилой всех облаков, а также источником всех вод.

Бесчисленные ручьи спускались по горе, но дракон следил только за одним.

Золотой Дракон молча летел вниз сквозь туман, следуя за этим ручейком, проводя так нескончаемые дни, как будто он мог продолжать это действие вечность, пока в определенный момент… туман перед ним не рассеялся.

Перед туманом была земля.

Нижняя грань тумана была очень плоской и гладкой, полностью соответствуя контурам земли и идеально сохраняя расстояние между туманом и землей. Это было пространство высотой в рост человека, как будто это было спланировано Творцом. Два метра пространства между землей и туманом простирались вдаль, где были смутно видны лучи света, но не было видно солнца. Земля была усеяна бесчисленными ручьями.

Туман был разбросан огромной головой дракона, раскрывая землю и тот отдельный ручеек.

Чистая, спокойная и холодная речная вода формировалась из конденсированной влаги одинокой горы. В ручье плыла деревянная корзина, в корзине было несколько слоев ткани, а на ткани был младенец - у этого младенца был синеватый оттенок лица, а его глаза были закрыты. Было очевидно, что он не так давно родился.

Туман над ручьем расцветал, как цветы, скапливаясь, устремляясь вперед, рассеиваясь. Голова Золотого Дракона, которая была больше, чем дворцовый зал, со свистом пронзила туман, достигая поверхности ручья.

Два метра пространства между туманом и ручьем были очень узкими для него. Тело Золотого Дракона и часть его головы были скрыты в тумане. Это только придавало ему более августейший, загадочный, чудовищный вид.

Золото Дракон тихо наблюдал за ручьем.

Деревянная корзина поднималась и опускалась в ручье.

В крошечной деревянной корзине был новорожденный и брошенный младенец, глаза которого были закрыты, а лицо было окрашено синим цветом.

.....

.....

Туман постепенно рассеялся, и все вернулось к спокойствию.

Но это спокойствие было временным... Глубоко в тумане почти одновременно прозвучали бесчисленные пронзительные, паникующие крики и вой зверей.

Мир, который, как изначально казалось, был неподвижным и безжизненным, на самом деле скрывал множество птиц и зверей. В тумане были слышны взмахи крыльев, паникующий рывок Единорога, проносящегося через древние и массивные деревья, и даже невероятно ясный крик Феникса!

Неуловимая нить огня, сформированная из божественного намерения, распространилась от берега ручья к горизонту. Влажная трава вмиг стала несравненно сухой. Даже трава в воде начала закручиваться у концов.

Глаза Золотого Дракона оставались безэмоциональными, благородными, апатичными, правя всем под небесами.

Его не заботило множество зверей, безумно бегущих сквозь туман. Его даже не заботил тот молодой Феникс. Он смотрел только на маленький ручей перед собой, смотрел на деревянную корзину, плывущую по ручью. Десятки тысяч ручьев спускались по уединенной горе, но его взгляд был сосредоточен только на этом одном. Он наконец-то вернулся в этот мир спустя тридцать тысяч лет, и все это было ради младенца в деревянной корзине. Как он мог отвести взгляд?

Опустилась невероятно тонкая нить света. Поверхность этой нити света была покрыта золотом, а внутри была священная белизна, и казалось, как будто она сама могла излучать свет. Передняя часть нити была невероятно тонкой, становясь толще к концу, в итоге достигая толщины руки ребенка. Поверхность этой нити света была невероятно гладкой и идеальной, особенно блеск, демонстрируемый из самых глубин нити. Это только добавляло к ее красоте.

Казалось, что эта нить света была сделана из золота или нефрита, отдавая чувством невероятного веса. В действительности же, она была очень легкой, покачиваясь взад и вперед на легком ветру над ручьем, как будто танцуя, желая мягко приблизиться к той деревянной корзине, но отодвигаясь в следующую секунду.

Это был ус Золотого Дракона.

В этот миг божественный огонь в глазах Золотого Дракона больше не был вечно спокойным, а безразличие полностью было заменено глубокой мыслью, как будто он колебался насчет чего-то. Передние части двух его усов были подобны нежным пальцам, как будто легонько касающихся края деревянной корзины, как будто гладя его. В действительности, однако, они не касались корзины.

Золотой Дракон уже прожил много бесконечно долгих лет и обладал невообразимой мудростью. Но эта деревянная корзина, казалось, представляла для него нерешаемую проблему. Эмоции в его глазах становились все сложнее. Там были желание, настороженность, сомнения, и, наконец, борьба. Возможно, случайно, возможно, намеренно, ветер, дувший через ручей, немного изменился, и край деревянной корзины, который легонько коснулся драконьего уса, мягко покачнулся. Наконец, ус дракона впервые коснулся деревянной корзины, и даже коснулся уха младенца внутри!

Мягкое прикосновение вызвало интенсивное изменение - две частицы божественного огня в глубинах глаз Золотого Дракона, казалось, взорвались в десятки тысяч звезд. В этом море звезд было неприкрашенное желание, жестокое и алчное.

Это желание было похвалой, оно было трогательным.

Похвалой жизни, растроганной жизнью.

Это было первичное желание жизни.

Золотой Дракон посмотрел на деревянную корзину и открыл рот, из которого наружу полилось дыхание дракона, подобное на фрагменты нефрита.

Глаза младенца в корзине все ещё были закрыты. Он совершенно не осознавал, что случится дальше.

Тень окутала ручей.

Драконье дыхание пало на все места вокруг деревянной корзины.

В следующий миг деревянная корзина и младенец внутри станут едой Золотого Дракона.

Но как раз в этот миг.

Рука схватила край деревянной корзины и потянула ее к берегу ручья.

Это была покрытая шрамами, тонкая и слабая рука.

Поверхность ручья со всплеском воды покрылась рябью, когда рука потянула деревянную корзину, и ее владелец побежал к берегу ручья ради спасения своей жизни.

Владельцем этой руки был маленький мальчик-даосист, которому было около трех или четырех лет.

Мальчик-даосист вытащил деревянную корзину на берег ручья и спрятал ее между своим телом и камнем. Затем он вынул и обнажил меч, направляя его острие к голове того ужасающего, гигантского Золотого Дракона.

Это был очень странный мальчик-даосист.

Он был слеп на один глаз, и у него не было одного уха. Когда он бежал из ручья всего мгновение назад, с легкостью можно было заметить, что он прихрамывал. Судя его его пустому рукаву было заметно, что у него была только одна рука.

Неудивительно, что ему потребовалось спрятать за собой деревянную корзину прежде, чем он вытащил меч.

Лицо мальчика-даосиста побледнело при виде гигантской головы дракона над ручьем. Его зубы стучали, но не из-за ледяных вод ручья, а из-за страха в сердце.

Это был первый раз, когда он видел настоящего дракона. Он даже не знал, что такое дракон, он только знал страх. Но он не бежал, вместо этого держа тот тонкий деревянный меч и крепко прикрывая корзину за собой.

Золотой Дракон с безразличием смотрел на мальчика. Только невероятно сильные эксперты, которые, как и дракон, достигли Божественного Домена, смогут увидеть злость в глубинах его глаз.

Казалось, что мальчик-даосист что-то выкрикнул. У него было бледное лицо, он испытывал невероятный страх, но он не отпускал корзину.

Золотой Дракон в ярости окутал дыханием обе стороны ручья, и смерть была на грани прибытия.

Деревянный меч выпал из руки мальчика в ручей, и тот развернулся, прижимая деревянную корзину к груди.

Чешуя Золотого Дракона касалась тумана, создавая бесчисленные потоки Небесного Пламени и воспламеняя ручей.

В это мгновение на берегу ручья появился даосист средних лет.

Даосист средних лет посмотрел на Золотого Дракона с умиротворенным видом.

Небесный Огонь над ручьем внезапно погас.

Золотой Дракон уставился на даосиста средних лет, издавая драконий крик!

Это был невероятно затяжной крик, как будто он никогда не закончится. Это был невероятно сложный слог, который звучал, как невероятно сложная мелодия, и как самый ужасающий ураган в мире, неся в себе невообразимую мощь!

Даосист средних лет посмотрел на Золотого Дракона и произнес одно слово.

Это был один слог, у него было невероятно странное и непостижимое произношение, ни капли не походя на язык людей. Казалось, что этот фрагмент содержал безграничную информацию, как будто он был наполнен аурой древности!

Золотой Дракон понял, но он не согласился.

Поэтому туман над ручьем начал свирепо клубиться.

Дыхание дракона выплескивалось во все стороны, и влажная трава и деревья у ручья вмиг преобразились в ужасающее море огня.

Молодой мальчик-даосист стоял спиной к маленькому ручью, не понимая, что происходит. Он испуганно опустил голову, закрыл глаза, и крепко прижал деревянную корзину к груди.

.....

.....

Когда прошло неопределенное время, берег ручья наконец-то снова затих.

Мальчик-даосист собрал свою храбрость и повернул голову, но увидел только неподвижные воды ручья. Огонь на обеих берегах ручья уже погас, и только выжженные деревья и камни, перевернутые от жары, оставались доказательством того, насколько ужасающий бой только что произошел здесь.

Глубоко из тумана раздался рев дракона. Этот рев был наполнен болью и сожалением. Он говорил всем пяти континентам мира, какую горькую боль и глубокое сожаление принесла его предыдущая нерешительность.

Молодой мальчик-даосист был испуган. Одной рукой держась за деревянную корзину, он взобрался на берег и подошел к даосисту средних лет, робко глядя на туман.

Даосист средних лет вытянул руку и погасил пламя на плече мальчика.

Мальчик-даосист подумал о чем-то, с усилиями поднимая деревянную корзину.

Даосист средних лет взял деревянную корзину и нежно обнял младенца внутри. Пальцы его правой руки, отделенные тканью, коснулись тела младенца. Вскоре он нахмурил брови.

«У тебя... очень плохая судьба», - он с жалостью сказал обернутому в ткань младенцу в своих руках.

.....

.....

К востоку от Восточного Континента располагалась маленькая деревня под названием Синин. Снаружи Синин был маленький ручей, у ручья была гора, а в горе был храм. В храме не было монахов, только даосист средних лет с двумя его учениками, которые культивировали и познавали Дао.

Горы была безымянной зеленой горой, храмом заброшенного буддистского храма. Старшего даосиста из двух учеников звали Юй Жэнь, а младшего - Чэнь Чаншэн.

Деревня Синин лежала в пределах Империи Чжоу. Восемьсот лет назад Династия Великой Чжоу установила даосизм, как Ортодоксию. Даже сейчас, в настоящую эру Чжэнтун, Ортодоксия объединила мир и была почитаема всеми. Полагаясь на этот принцип, этот учитель и его ученики должны были жить жизнью шелковых одежд и нефритового риса. Однако, Деревня Синин была слишком удаленной, а ветхий храм - еще более. В обычные дни здесь было сложно увидеть людей, так что в их жизни были только простой чай и простая еда.

Даосисты, естественно, должны были культивировать Дао. В мире в настоящее время были бесчисленные методы культивации, но метод культивации, которому обучал этот даосист средних лет, совершенно отличался от методов, которым обучала любая другая секта. Его методика не делала упор на культивацию и понимание, не брала в учет Звезды Судьбы и Медитативную Интроспекцию, не затрагивала совершенствование разума. Только одно слово имело значение: ‘запоминание’.

Юй Жэнь с детства начал повторять по памяти писания Дао, а с того момента, как Чэнь Чаншэн смог открыть глаза, он был вынужден сидеть напротив и смотреть на эти древние книги с желтым оттенком. Первым, что он узнал, была комната, заполненная даосской

классикой и писаниями. Научившись говорить, он начал учиться узнавать слова, а затем начал зачитывать и запоминать слова в этой даосской классике и писаниях.

Запоминать и учиться, пока они так хорошо знали эти книги, что могли пересказать их наизусть задом наперед - это была жизнь этих двух мальчиков-даосистов, которые жили в ветхом храме.

Когда они просыпались рано утром, они запоминали книги. Когда светило палящее солнце, они запоминали книги. Когда грубый звон колокола предвещал приход сумерек, они запоминали книги. Весенние цветы расцветали в тепле, грохотал летний гром, шелестели осенние ветра, а зимний снег был холодным и несчастным, пока они сидели среди полей, у берега ручья, под деревом, у цветущих слив. Держа в руках даосские писания, они постоянно читали и запоминали, не осознавая постепенное течение времени.

Целая комната ветхого храма была доверху заполнена свитками и книгами даосских писаний. Когда ему было семь, Юй Жэнь однажды от скуки сосчитал их. Там было не менее трех тысяч книг, трех тысяч писаний Великого Дао. Каждая книга содержала от нескольких сотен до тысячи слов. Самой короткой была «Классика Богов», в которой было триста четырнадцать слов, а самой длинной - «Классика Долголетия», содержавшая по крайней мере двадцать тысяч слов. Эти три тысячи писаний составляли все то, что они должны были запомнить.

Ученики-братья непрестанно повторяли и запоминали, пытаясь только запомнить, никогда не пытаясь понять. Они уже давным-давно знали, что их учитель никогда не ответит ни на один из их вопросов насчет даосских писаний, только говоря: «Запоминайте, а понимание придет само».

Для тех детей, начинавших свою учебу, которые только желали играть, подобную жизнь будет действительно сложно представить. К счастью, эта зеленая гора была расположена в захолустном регионе, и ее редко навещали другие люди. Они могли сосредоточиться, так как никакие внешние вещи не отвлекали их мысли. У двух мальчиков-даосистов был довольно уникальный темперамент, и они ни капли не находили эту жизнь унылой или нудной. Они день за днем повторяли, пока, чего они даже не почувствовали, не прошло несколько лет.

В определенный день звук чтения, который не прекращался несколько лет, наконец-то остановился. Два ребенка сидели на горном камне, бок о бок, на их коленях лежала книга. Они посмотрели на книгу, а затем переглянулись в растерянности.

К этому моменту они запомнили все до последнего писания, но не могли продолжить. Они не могли понять слова в книге - символы этого даосского писания были незнакомы им. Если быть точнее, они были очень странными. Они определенно узнавали все штрихи, но если сложить их вместе, это превращалось в эксцентричные объекты. Как их читать? Что они означали?

Пара вернулась в храм в поисках даосиста средних лет.

Даосист средних лет сказал: «Вы двое смотрите на последнюю книгу из трех тысяч писаний Великого Дао. Эти книга состоит из шестнадцати сотен и одного символа. Согласно легенде, в этих символах содержится окончательный смысл Небесного Дао. Никогда не было никого, кто мог бы полностью познать смысл внутри, так как сможете вы двое?»

Чэнь Чаншэн спросил: «Учитель, вы тоже не понимаете его?»

Даосист средних лет покачал головой, говоря: «Никто не посмеет сказать, что полностью понимает, как не могу и я».

Старший и младший братья переглянулись, испытывая некоторое сожаление. Хоть они все еще были детьми, они запомнили три тысячи писаний Даосского Канона и были на расстоянии одной книги от завершения. Они, естественно, были недовольны, но, в конце концов, они не были обычными детьми. С того времени, как они были в неведении, даосские писания были их компаньонами. Их характер тоже был довольно спокойным. Они собрались развернуться и уйти.

В этот момент даосист средних лет дополнил: «...но я могу прочитать это».

С этого дня даосист средних лет начал обучать их, как читать последнюю книгу даосского канона. Они познавали произношение каждого слова одно за другим. Их звучание было исключительно странным. Они были очень простыми одиночными слогами, но требовали использования определенной мышцы в горле и обладали особым требованием к голосовым связкам. Короче говоря, это были не те звуки, которые мог издавать обычный человек.

Чэнь Чаншэн был совершенно сбит с толку. Он только мог вести себя, как утенок, послушно имитируя произношение учителя. С другой стороны, Юй Жэнь иногда думал о том слове, которое сказал его учитель тому ужасающему созданию у ручья много лет назад.

Юй Жэнь и Чэнь Чаншэн спустя очень долгое время наконец-то смогли освоить произношение этих шестнадцати сотен и одного слов, но они по-прежнему не могли понять их смысл, как и не могли получить ответ от даосиста средних лет. На эту последнюю книгу они уже потратили целый год. Затем они начали действовать, как и ранее, взяв последнюю книгу и продолжая читать ее, пока не смогли запомнить ее.

Когда они наконец-то решили, что избежали этой жизни запоминания даосских писаний, даосист средних лет потребовал, чтобы они прочитали их во второй раз. Беспомощные дети были вынуждены повторить этот процесс. Возможно, именно из-за этого повторения чтение Даосского Канона показалось им гораздо более утомительным, представляя почти невыносимое страдание.

В этот миг они были сильно сбиты с толку. Почему их учитель хотел, чтобы они читали эти даосские писания? Почему он не обучал их культивировать? В этих писаниях было ясно написано, что даосисты должны были культивировать Дао, что было совершенно верно преследовать долголетие.

В это время Юй Жэню было десять, тогда как Чэнь Чаншэну - шесть с половиной. Осенью этого года белый журавль вылетел из облаков, принося приветствия далекого и старого друга, а также шелковую книжечку. В этой книжечке были дата рождения, брачный контракт и знак - какой-то высший чиновник, который однажды был спасен даосистом средних лет, желал исполнить обещание, данное тогда.

Даосист средних лет молчаливо улыбнулся при виде брачного контракта, после чего повернулся к двум своим ученикам. Юй Жэнь помахал рукой, указывая на свой слепой глаз, отказываясь с улыбкой. У Чэнь Чаншэна было недоумение на лице. Он не совсем понимал, что происходит. Он взял брачный контракт в руки, и с этого момента у него появилась невеста.

В несколько последующих лет белый журавль прорывался через облака, принося приветствия того благородного человека в столице, а также принося довольно интересные подарки для Чэнь Чаншэна.

Чэнь Чаншэн постепенно понял ситуацию, зная, на что указывала помолвка. Он каждую ночь смотрел под звездным светом на брачный контракт, лежавший на полке, испытывая какое-то

неописуемое чувство. Думая о том, что его невеста была того же возраста, что он, он испытывал умиротворенную радость, чувствовал небольшую робость, но также испытывал недоумение.

Когда Чэнь Чаншэну было десять лет, в его спокойной жизни чтения книг произошел инцидент. В определенную ночь, после семьдесят второго повторения шестнадцати сотен и одного слова последней книги Даосского Канона он вдруг почувствовал, что его разум покинул тело, удаляясь в лес на зеленой горе. В этот миг он лишился сознания, и его тело начало излучать странный аромат.

Это ни был аромат цветов, листьев, или косметического порошка. Его можно было описать неясным, но он задерживался в ночном ветру, не рассеиваясь. Его можно было описать плотным, доносящимся до носа, но он был с трудом различим. Казалось, что такого аромата не могло появиться в мире людей. Его было невозможно уловить, но он был невероятно соблазнительным.

Первым, кто осознал ситуацию Чэнь Чаншэна, был Юй Жэнь. Почувствовав странный аромат, он помрачнел.

В мрачной зеленой горе в тени листьев деревьев издавали рык и выли львы и тигры, журавли танцевали, драконьи змеи совершали рывок, и послышалось громоподобное кваканье жаб, которое обычно появлялось только летними ночами. В глубинах того тумана к востоку от зеленой горы, куда никто не смел ступать, была видна неясная гигантская тень, какая-то загадочная форма жизни. Чэнь Чаншэн излучал странный аромат под жадными и почтенными взглядами бесчисленных созданий. Его глаза закрылись, и он погрузился в глубокий сон, сон, который мог продлиться некоторое время.

Юй Жэнь всеми силами обдувал его, желая сдуть этот аромат, нависший над телом Чэнь Чаншэна, прочь. Потому что из-за этого аромата в его рту выступила слюна, потому что в нем родилась ужасная и пугающая идея, он абсолютно точно должен был обдувать его, пока эта идея не будет унесена прочь.

В какой-то миг даосист средних лет появился в боковой комнате. Стоя у кушетки и глядя на спящего Чэнь Чаншэна, он произнес фразу, смысл которой только он мог понять: «Где причина?»

Прошла ночь.

В то мгновение, как рассвет осветил зеленую гору, странный аромат немедленно исчез от тела Чэнь Чаншэна, ни капли не осталось. Он вернулся к своему прежнему виду, и множество странных зверей и ужасающий силуэт в туманах тоже отступили в неизвестные дали.

Видя своего спокойно спящего младшего брата, Юй Жэнь наконец-то прекратил паниковать и выдохнул. Желая вытереть холодный пот со лба, он осознал, что из-за того, что он обдувал его всю ночь, его плечо так сильно болело, что он не мог двигать рукой.

Чэнь Чаншэн открыл глаза, просыпаясь. Хоть он и проспал всю ночь, он знал, что что-то случилось. Видя болезненное выражение на лице своего старшего брата, он тоже побледнел. Он спросил: «Учитель, что со мной не так?»

Даосист средних лет очень долгое время смотрел на него в тишине, прежде чем наконец-то сказать: «Ты болен».

Согласно объяснению даосиста средних лет, болезнь Чэнь Чаншэна была связана с тем, что его тело было врожденно слабым, и девять меридианов в его теле не могли соединиться. Странный аромат прошлой ночи возник потому, что его душа не могла циркулировать, поэтому выходила наружу через его пот. Этот пот содержал эссенцию его души, без которой не мог жить ни один человек, так что она, естественно, содержала странный запах. Это была очень загадочная болезнь.

«Тогда... может ли Учитель вылечить ее?»

«Я не могу, ни один человек не может».

«Болезнь, которую нельзя вылечить... Это судьба, не так ли?»

«Да, это просто твоя судьба».

.....

.....

С его десятого дня рождения Белый Журавль больше не прилетал на зеленую гору, и связь с другой стороной в столице была обрублена, как будто ее никогда и не было. Иногда, когда Чэнь Чаншэн стоял у ручья и смотрел на запад, он думал об этом.

Конечно же, он еще больше думал о своей болезни, своей судьбе... Он не стал более слабым, и кроме того факта, что он был склонен к сонливости, он был картиной здоровья. Он ни капли не был похож на человека, которому было суждено умереть молодым, так что даже он начал сомневаться в оценке своего учителя. Но если оценка его учителя была верной, что тогда? Чэнь Чаншэн решил покинуть этот ветхий храм и осмотреться в процветающем мире людей. Пользуясь тем, что у него все еще была возможность увидеть мир, он хотел увидеть легендарный Мавзолей Книг, а также разорвать эту помолвку.

«Учитель, я ухожу».

«Куда ты уходишь?»

«В столицу».

«Зачем?»

«Потому что я все еще хочу жить».

«Я сказал, что это не болезнь, а судьба».

«Я хочу изменить судьбу».

«В прошлые восемьсот лет только трем людям удалось изменить свою судьбу».

«И все эти люди были экстраординарно выдающимися, верно?»

«Да».

«Я не такой, но все еще хочу попробовать».

В конце концов, столица была местом, в которой Чэнь Чаншэн рано или поздно должен был

отправиться. Если он не мог вылечить свою болезнь, он все еще должен был побывать там. Не только потому, что он хотел изменить свою судьбу, но и потому, что другая сторона брачного контракта была в столице.

Он собрал свои вещи, принял кинжал, данный ему Старшим Братом Юй Жэнем, и ушел.

Четырнадцатилетний мальчик-даосист спустился с горы.

http://tl.rulate.ru/book/1222/24035